

Юаньцзин на мгновение замер, но не ответил сразу, сосредоточенно продолжая считать пульс. Если не заняться здоровьем отца сейчас, это могло серьезно сократить его годы. В ближайшее время юноша планировал пристально следить за его состоянием и усилить рацион питательными продуктами.

Цзи Чанлинь, заметив внезапное молчание сына, больше не проронил ни слова. Он терпеливо ждал, пока осмотр закончится, и лишь когда Юаньцзин отпустил его руку, негромко спросил:

— Юаньцзин, она ведь была к тебе несправедлива? Знаешь, я давно это чувствовал. С тех пор как ты уехал в деревню, в письмах, которые ты мне писал, не было ни слова о матери или брате. Я догадывался, что жизнь в доме Чжэнов не сахар, и твоя мать, скорее всего, совсем о тебе не заботилась.

Юноша поднял взгляд на отца. Глаза Цзи Чанлиня были полны жгучего раскаяния. Больше всего на свете он винил себя за судьбу первенца. Его бывшая жена и младший ребенок наверняка давно стали частью семьи Чжэн, выставив Юаньцзина лишним, а сам он, находясь на ферме, ничем не мог помочь. Тогда он тешил себя надеждой, что Шэнь Хуэйцзюань хотя бы ради кровного родства не станет совсем уж пренебрегать старшим сыном.

Нельзя сказать, что его связывала с бывшей женой великая любовь. В свое время они виделись пару раз, решили, что смогут ужиться, и расписались. Если бы не роковые обстоятельства, они бы так и прожили жизнь в спокойном взаимном уважении — так жили многие поколения до них. Чанлинь не винил её за повторный брак: остаться одной с ребенком на руках и вторым под сердцем было слишком тяжелой ношей для женщины.

Юаньцзин мысленно вздохнул.

«Я долго не знал, как подступиться к этой теме, и то, что отец сам заговорил об этом, значительно упрощает задачу»

Он накрыл своими ладонями руки отца — загорбевшие, покрытые мозолями за годы тяжелого труда, хотя когда-то они были созданы лишь для того, чтобы держать перо.

— Папа, я и сам хотел во всем признаться, чтобы у тебя не осталось ложных иллюзий. С тех пор как я уехал, прошло пять лет. За всё это время я получил от силы десять писем. Последнее пришло в марте прошлого года — тогда у Чжэн Дали родился второй ребенок. Они вспомнили обо мне лишь потому, что хотели получить деньги на подарок от «дяди». Я отправил им пять юаней, и на этом наше общение закончилось.

Руки Цзи Чанлиня задрожали от гнева.

— Как... как она могла? — выдохнул он. — Неужели ей совсем было не важно, как ты там, в глуши, сыт ли, здоров ли? Как можно быть такой жестокой к собственному сыну!

— Папа, пожалуйста, не волнуйся так. Я рассказываю это не для того, чтобы ты злился.

«На самом деле всё к лучшему: сколько тепла они дали мне, столько я вернул им в ответ. Меня это не задевает. Я боюсь лишь одного — что ты расстроишься и мне не хватит смелости рассказать остальное»

Отец сделал несколько глубоких вдохов, умиряя гнев.

— Говори, Юаньцзин. Я не буду злиться.

Юноша грустно улыбнулся — мужчина явно всё еще кипел от негодования.

— Папа, боюсь, то, что я скажу дальше, может разозлить тебя еще сильнее. Но скрывать правду и оставлять тебя в неведении было бы несправедливо.

— Не злюсь я, — поспешно заверил Чанлинь. — Главное, что сейчас ты в порядке, а остальное не имеет значения.

— Ты совсем не тоскуешь по моему младшему брату? — осторожно прощупал почву Юаньцзин.

Лицо отца приняло растерянное выражение.

— Я ведь никогда его не видел. Сказать, что я питаю к нему нежные чувства, было бы ложью.

Этот ребенок не шел ни в какое сравнение с первенцем.

«Не слишком ли я суров и пристрастен? — иногда Цзи Чанлинь ловил себя на подобных сомнениях. — Но чувствам не прикажешь»

— Папа, это даже к лучшему, что привязанности нет. Пожалуйста, держи себя в руках. У меня есть серьезные подозрения, что Чжэн Хуа — тот мальчик, которого родила мать — вовсе не мой родной брат по отцу.

Юноша внимательно следил за реакцией отца, заранее приготовив иглы и лекарства на случай, если тот лишится чувств от шока.

Услышав это, Цзи Чанлинь замер, словно пораженный громом. Не его сын? Но что это значило? Только одно: еще до его ареста жена предала его и имела связь с другим.

— Папа, подумай: кто тогда мог знать, что у нашей семьи есть связи за границей? — негромко подсказал Юаньцзин.

Взгляд Цзи Чанлиня постепенно обрел остроту, он посмотрел на сына с горьким осознанием.

— Ты думаешь... это была она?

Он всегда гнал от себя эти мысли. В те времена доносы были делом обыденным, и мужчина полагал, что просто нашелся кто-то, прознавший о прошлом предков семьи Цзи. В конце концов, для обвинения не требовалось много усилий — ему просто не повезло.

Но теперь, когда сын озвучил свои подозрения, всё начало сходиться. Если бывшая жена забеременела от другого еще до развода, она могла испугаться разоблачения. Донос на мужа позволял ей официально разорвать все связи с «неблагонадежным» элементом и выйти замуж за настоящего отца ребенка. В глазах общества она выглядела бы жертвой обстоятельств, спасающей себя и детей. В противном случае её репутация была бы навсегда погублена, а её саму могли бы подвергнуть публичному осуждению.

Цзи Чанлинь устало потер лицо и горько усмехнулся:

— Я не сержусь, Юаньцзин. Но есть ли у тебя доказательства, что Чжэн Хуа — не мой ребенок?

— Доказательства можно получить. Я просто не хотел действовать без твоего ведома.

— Рассказывай.

Юаньцзин уже давно обдумывал, как доказать отцовство Чжэн Дали. Тесты ДНК появятся лишь через полтора десятка лет, так что оставался единственный надежный для этого времени способ — группы крови.

— Мы проверим группы крови. Твою, папа, материнскую, мою и Чжэн Хуа. Заодно узнаем группу Чжэн Дали. Кровь родителей строго определяет возможные варианты для детей.

Цзи Чанлинь крепко сжал руку сына. Он не хотел больше закрывать на это глаза. Ему нужно было знать, что произошло на самом деле, и не напрасно ли сын подозревает мать. Этот узел нужно было разрубить раз и навсегда.

— Хорошо, проверим. Мне нужны ответы. Если возникнут трудности, я сам что-нибудь придумаю.

Годы лишений изменили его: он больше не был тем наивным книжником. Если потребуется, он сможет действовать жестко — в конце концов, добыть несколько капель крови не так уж

сложно.

— Папа, тебе не нужно ничего делать самому. Ты забыл про Паня Цзяньцзюня? Он здесь как рыба в воде. Ему будет гораздо проще всё устроить, и это не вызовет лишних подозрений.

Чанлинь улыбнулся и погладил сына по голове.

— Ладно, тогда я полагаюсь на тебя.

Юаньцзин прижался к руке отца, наслаждаясь моментом покоя.

После этого разговора желание Цзи Чанлиня увидеть младшего сына окончательно испарилось. Раньше он чувствовал вину за то, что не участвовал в жизни ребенка, но теперь, когда вероятность родства стремилась к нулю, ни о каких долгах не могло быть и речи.

Первым делом юноша проверил свою кровь и кровь отца — у обоих оказалась группа А. Пань Цзяньцзюнь быстро и ловко раздобыл нужные сведения: у Шэнь Хуэйцзюань была группа О, а у Чжэн Хуа, как и у его отца Чжэн Дали, — группа В.

Когда Юаньцзин показал результат отцу, тот воспринял его спокойно. Последние несколько дней он только и делал, что прокручивал в голове события тех лет, вспоминая странности в поведении жены. Теперь он даже почувствовал облегчение.

Предательство больше не ранило его. Единственным, кто по-настоящему имел значение, был Юаньцзин. Младший сын всегда был для него лишь туманным образом, а теперь этот образ и вовсе исчез. Главное, что теперь между ним и первенцем больше не стояло никаких тайн.

Он не горел желанием видеть семью бывшей жены, но понимал, что Юаньцзин и Шэнь Хуэйцзюань официально остаются матерью и сыном, и бесконечно избегать встреч не получится.

— Юаньцзин, пожалуй, мне стоит самому поговорить с твоей матерью. Нужно расставить все точки над «i», чтобы ни она, ни семья Чжэн больше не смели считать нас дураками и надеяться на какую-то выгоду.

Перед отъездом на ферму Цзи Чанлинь оставил бывшей жене приличную сумму денег. Вернувшись, он расспросил знакомых и узнал, что жизнь Юаньцзина в доме Чжэнов была безрадостной, а сводный брат и вовсе вел себя как маленький тиран. Мужчина намеревался использовать правду о Чжэн Хуа как рычаг давления, чтобы Шэнь Хуэйцзюань больше никогда не смела шантажировать сына «материнским долгом».

— Но папа... — Юаньцзин замялся, боясь, что отцу будет больно.

Чанлинь рассмеялся:

— Не считай своего отца таким уж хрупким. Наш брак с твоей матерью был скорее союзом по расчету. К тому же такие дела должны решать старшие, детям не пристало лезть на рожон.

Отец должен быть щитом для сына, а вместо этого Юаньцзин несколько лет заботился о нем. Пришло время и ему что-то сделать для своего ребенка.

Юноша понимал, что родителю действительно будет проще решить этот вопрос. Сам он, будучи сыном Шэнь Хуэйцзюань, всегда находился бы в уязвимом положении, и только авторитет Цзи Чанлиня мог оградить его от назойливых притязаний.

— Хорошо, папа. Но только не бери всё слишком близко к сердцу. Твой сын не из пугливых.

— Знаю, знаю, — ответил Чанлинь, и глаза его снова подозрительно заблестели.

Пока у мужчины были каникулы, он восстанавливал силы дома, а после их окончания должен был вернуться к преподаванию и науке. У него было достаточно времени, чтобы разобраться с Чжэнами. Юаньцзин на всякий случай попросил Паня Цзяньцзюня приглядывать за отцом и, если что-то пойдет не так, немедленно везти его в больницу.

Через два дня Цзи Чанлинь, облачившись в купленную сыном белоснежную рубашку и аккуратно покрасив седину, выглядел гораздо моложе и бодрее, чем в день возвращения. Он не хотел выглядеть просителем — он шел показать Шэнь Хуэйцзюань, что он вернулся, он силен и у Юаньцзина теперь есть надежная опора.

Тем временем в доме Чжэнов Чжэн Хуа вернулся из школы к обеду. Глава семьи, Чжэн Дали, души не чаял в младшем сыне: тот учился прилежно и обещал стать гордостью семьи, в отличие от старшего брата. Впрочем, старшему отец уже помог устроиться на завод, обеспечив «железную миску риса». Если Чжэн Хуа поступит в университет, жизнь семьи станет совсем завидной.

Садясь за стол, Чжэн Хуа невольно задел свежую рану.

— С-с-с! — шикнул он от боли.

Шэнь Хуэйцзюань в последние дни была сама не своя — её мучили дурные предчувствия. Она тихонько сказала мужу:

— Может, выберем время и сходим в храм, свечи поставим? В доме творится что-то неладное.

Ты на велосипеде упал, бок ободрал. Сяо Хуа на улице кто-то побил. Я на рынке поскользнулась, колено в кровь разбила. Мы все трое пострадали, разве это не знак?

<http://bllate.org/book/15835/1437511>